Встретиться вновь

Автор:
Марк Леви

Встретиться вновь

Марк Леви

Сегодня Марк Леви один из самых популярных французских писателей, его книги переведены на четыре десятка языков и расходятся огромными тиражами, а за право экранизации его первого романа Спилберг заплатил два миллиона долларов. В российском прокате фильм назывался “Между небом и землей” и вызвал огромный интерес широкой публики.

И вот теперь автор возвращает нас к персонажам именно этого романа, приглашая в новое приключение с их участием. Эта романтическая, полная очарования и головокружительных коллизий история, наполненная искрящимся юмором и неожиданными поворотами сюжета.

Марк Леви

Встретиться вновь

Издательство благодарит Анастасию Лестер за содействие в приобретении прав на данное название

Marc Levy

Vous revoir

www.marclevy.info

© 2005 Editions Robert Laffont/Susanna Lea Associates

© Кабалкин А., перевод с французского, 2004

© Черемных Н., оформление обложки, 2010

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство Иностранка

***

Марк Леви – непревзойденный мастер французского сентиментального романа. Его книги переведены на четыре десятка языков, расходятся по всему миру миллионами экземпляров.

***

Посвящается моему сыну Луи

Нельзя обвинять гравитацию

в том, что люди влюбляются.

Альберт Эйнштейн

Артур оплатил счет у гостиничной стойки. У него еще оставалось время, чтобы прогуляться по кварталу. Носильщик вручил ему квитанцию, он убрал ее в карман пиджака. Потом пересек двор и зашагал по улице Боз-Ар. Мостовые, вымытые мощными струями воды, подсыхали в первых лучах солнца. На рю Бонапарт уже открывались витрины магазинов. Артур задержался перед кондитерской, потом продолжил путь. Чуть подальше белела в свете нарождающегося дня колокольня церкви Сен-Жермен-де-Пре. Он дошел до площади Фюрстенберг, еще безлюдной. Вверх поехали металлические жалюзи. Артур помахал молоденькой цветочнице в белом халате, в котором она походила на очаровательную лаборантку. Буйные букеты, что она нередко составляла с участием Артура, украшали все три комнаты квартиры, в которой он жил еще два дня назад.

Цветочница ответила ему, не зная, что больше его не увидит.

Вернув вчера, вечером пятницы, ключи консьержке, он поставил точку в своей заграничной жизни, длившейся несколько месяцев, и в весьма вызывающем архитектурном проекте, который осуществил: франко-американский Культурный центр.

Возможно, он еще вернется сюда вместе с женщиной, занимавшей его мысли. Он познакомил бы ее с узенькими улочками этого квартала, который так любит, они гуляли бы вдвоем по набережным Сены, где он привык прохаживаться даже в дождливые дни, такие нередкие в столице.

Он присел на скамейку, чтобы написать письмо, не дававшее ему покоя. Когда оно было почти закончено, он сложил его, убрал в конверт и, не заклеивая, сунул в карман.

Такси вовремя доставит его в аэропорт, самолет вылетит через три часа.

Вечером этого же дня, после долгого вынужденного отсутствия, он вернется в свой город.

Небо над бухтой Сан-Франциско пламенело. В иллюминаторе был виден выступающий из облака мост «Золотые Ворота». Самолет медленно снижался над шпилем «Тибурона», курсом на юг, прошел над мостом «Сан-Матео» и снова повернул. Находясь внутри лайнера, можно было подумать, что цель полета – соляные озера, переливавшиеся внизу тысячами бликов.

***

Кабриолет «сааб» протиснулся между двумя грузовиками, срезал по диагонали три ряда, не обращая внимания на мигание фар недовольных водителей. Машина съехала с шоссе 101 на ответвление, ведущее в международный аэропорт Сан-Франциско. Перед эстакадой Пол притормозил, чтобы свериться со световым табло. Под конец пути он все-таки ошибся и, ворча себе под нос, больше ста метров проделал задним ходом, чтобы оказаться перед заездом на стоянку.

***

Бортовой компьютер в кабине пилотов показывал высоту 700 метров. Вид внизу непрерывно менялся. Предзакатное солнце озарило лес небоскребов, один современнее другого. Опустились подкрылки, увеличивая площадь несущих поверхностей и еще больше замедляя скорость. Скоро раздался глухой шум – это были выпущены из люков шасси.

***

Табло внутри терминала сообщало, что рейс «Эр Франс» 007 уже совершил посадку. Запыхавшийся Пол сбежал по эскалатору и заторопился по проходу. Мрамор пола был скользким, его занесло на бегу, он ухватился за рукав командира корабля, шагавшего в противоположную сторону, пробормотал извинения и продолжил безумную гонку.

***

Аэробус А-340 авиакомпании «Эр Франс» медленно двигался по летному полю. Казалось, его причудливый нос сейчас уткнется в стеклянную стену терминала. Рев турбин сменился протяжным свистом, к фюзеляжу пополз рукав раздвижного трапа.

***

За перегородкой, в зале прибытия международных рейсов, Пол пытался отдышаться, нагнувшись и упершись ладонями в колени. Раздвижные двери поехали в стороны, и в зал хлынул поток прилетевших.

Продираясь в толпе, Пол издали махал рукой своему лучшему другу.

– Полегче, не так крепко, – сказал Артур Полу, стиснувшему его в объятиях.

За ними наблюдала растроганная киоскерша.

– Перестань, неудобно! – проворчал Артур.

– Представь, я по тебе скучал. – Пол подталкивал друга к лифтам, ведущим на стоянку. Друг посматривал на него насмешливо.

– Что это на тебе за гавайская рубаха? Возомнил себя Магнумом?

Пол посмотрел на свое отражение в зеркале лифта, скривился и застегнул пуговицу на рубашке.

– Позавчера я побывал в твоей новой квартире. Надо было впустить туда перевозчиков. Сколько же коробок они затащили! Я кое-как навел там порядок. Ты скупил весь Париж или тамошним магазинам еще осталось чем торговать?

– Спасибо за заботу! Как квартира, ничего?

– Сам увидишь. Думаю, тебе понравится. И до агентства недалеко.

Когда Артур завершил работу над Культурным центром, Пол делал все, чтобы убедить его вернуться в Сан-Франциско. Ничто не могло заполнить пустоту, образовавшуюся в его жизни после отъезда человека, которого он любил, как брата.

– Город не слишком изменился, – сказал Артур.

– Мы возвели два небоскреба между Четырнадцатой и Семнадцатой улицами, одну гостиницу, много офисов. И ты после этого утверждаешь, что город не изменился?

– Как поживает архитектурное агентство?

– Если не говорить о наших проблемах с твоими парижскими клиентами, то все более-менее. Морин возвращается из отпуска через две недели, она оставила тебе письмецо, ждет не дождется встречи с тобой.

Пока шла парижская стройка, Артур и его ассистентка беседовали по несколько раз в день, она брала на себя все его текущие дела.

Пол едва не пропустил спуск с автострады и рванулся через несколько рядов к повороту на 3-ю стрит. Его опасный маневр был встречен целым концертом клаксонов.

– Весьма сожалею, – пробормотал он, косясь в зеркало заднего вида.

– Не переживай. Если бы ты побывал на площади Этуаль, то уже ничего не боялся бы.

– Это что?

– Величайшая автомобильная пробка на свете. Бесплатное развлечение!

Пол воспользовался остановкой на пересечении с авеню Ван-Несс, чтобы поднять нажатием кнопки крышу. Раскладывание кожуха сопровождалось душераздирающим скрипом.

– Не могу с ней расстаться, – признался Пол. – Конечно, у машинки ревматизм, но вообще-то она еще о-го-го!

Артур опустил стекло и вдохнул морской воздух.

– Как там Париж? – радостно осведомился Пол.

– Сплошные парижане!

– А парижанки как?

– Сама элегантность.

– Ты и парижанки? Приключения?

Артур помедлил, прежде чем ответить.

– В монахи я не постригался, если ты об этом.

– Нет, я о чем-нибудь серьезном. Ты не влюбился?

– А ты? – спросил Артур Пола.

– По-прежнему холост!

«Сааб» свернул на Пасифик-стрит и поехал на север. На углу Филмор-стрит Пол затормозил у тротуара.

– Вот он, твой новый дом – твоя крепость. Надеюсь, тебе приглянется. Если нет, то с агентством недвижимости всегда можно договориться. Когда выбираешь не для себя, можно и ошибиться…

Артур прервал друга, ему здесь понравится, он в этом нисколько не сомневался.

Они миновали заставленный чемоданами вестибюль небольшого здания. Лифт поднял их на третий этаж. Проходя по коридору мимо двери квартиры 3В, Пол

сообщил Артуру, что видел его соседку. «Красотка!» – шепнул он, поворачивая ключ в замке двери напротив.

Из гостиной открывался захватывающий вид на крыши района Пасифик-Хейтс. В комнату ворвалась звездная ночь. Перевозчики кое-как расставили прибывшую из Франции мебель и собрали возле окна чертежный стол. Коробки из-под книг опустели, а их недавний груз выстроился на книжных полках.

Артур тут же взялся за переделки: поставил диван напротив широкого окна, пододвинул к маленькому камину одно из двух кресел.

– Твоя мания никуда не делась, как я погляжу.

– Разве так не лучше?

– Просто замечательно! – заверил его Пол. – Теперь ты доволен?

– Вот теперь я чувствую себя как дома.

– Поздравляю с возвращением в родной город, в родной квартал и в твою жизнь, если повезет!

Пол провел Артура по остальным комнатам. Спальня оказалась просторной, с большой кроватью, двумя ночными тумбочками и столиком на выгнутых ножках. Лунный свет проникал в окошко соседней ванной комнаты. Артур тут же выглянул в него и остался доволен открывшимся видом.

Зато Пол был раздражен: он предпочел бы не расставаться с другом в этот вечер, но его ждал рабочий ужин: архитектурное агентство боролось с конкурентами за крупный проект.

– Я бы с радостью пошел с тобой, – сказал Артур.

– Нет, разница в часовых поясах – серьезная штука, лучше оставайся дома. Завтра я за тобой заеду, пообедаем вместе.

Пол еще раз обнял Артура и повторил, до чего счастлив, что тот вернулся. Выходя из ванной, он оглянулся и указал пальцем на стену.

– Ты не заметил еще одну замечательную особенность этой квартиры.

– Какую? – спросил Артур.

– Тут нет ни одного шкафа!

***

В самом сердце Сан-Франциско, по Потреро-авеню, мчался ярко-зеленый «триумф». Джон Маккензи, главный охранник автостоянки Мемориального госпиталя Сан-Франциско, отложил газету. Он узнал особый звук этого двигателя. Значит, молодая докторша уже оставила позади пересечение с 22-й стрит. Шины кабриолета взвизгнули у самой будки. Маккензи слез с табурета и уставился на капот машины, въехавшей под самый шлагбаум и касавшейся его ветровым стеклом.

– Вы несетесь оперировать Большого Босса или специально меня злите? – спросил он, качая головой.

– Небольшая доза адреналина вашему сердцу не повредит, а значит, вы мой должник, Джон. Не соблаговолите ли пропустить?

– Сегодня вечером вы не дежурите, у меня нет для вас места.

– Я забыла в столе учебник по нейрохирургии, мне надо подняться всего на минуту!

– Где-нибудь вы убьетесь, доктор: либо на работе, либо в этом вашем болиде. Езжайте прямо, потом направо. Место двадцать семь свободно.

Лорэн одарила охранника улыбкой, шлагбаум поднялся, и она тут же надавила на акселератор; снова визг покрышек, ветер разметал ее волосы, приоткрыв на лбу шрам от старой раны.

***

Артур стоял посреди гостиной, привыкал к новому жилищу. На полке книжного шкафа Пол приткнул небольшую стереосистему.

Артур включил радио и стал разбирать последние ящики, составленные в углу. В дверь позвонили, Артур пересек комнату. Ему протягивала руку очаровательная пожилая дама.

– Роза Моррисон, ваша соседка!

Артур пригласил ее в квартиру, но она отказалась.

– С радостью поболтала бы с вами, – сказала она, – но у меня очень загруженный вечер. Давайте сразу договоримся: никакого «рэпа», никакого «техно». «Ритм-энд-блюз» – еще туда-сюда, но только хороший, насчет «хип-хопа» посмотрим. Если вам что-нибудь понадобится, звоните в дверь, и понастойчивее, я глуха как пень!

Выдав эту тираду, мисс Моррисон прошагала по коридору к своей двери. Позабавленный, Артур немного постоял на пороге, не сразу вернувшись к прерванному занятию.

Через час у него подвело живот, он вспомнил, что в последний раз ел еще в самолете. Без особой надежды открыл холодильник и с удивлением обнаружил бутылку молока, пачку масла, упаковку нарезанного хлеба, пачку макарон и записку от Пола с пожеланием приятного аппетита.

***

В приемном покое «неотложки» было столпотворение. Заняты были все носилки, кресла-каталки, простые кресла, скамейки. Лорэн просмотрела список поступивших пациентов за стеклом регистратуры. С большой белой доски не успевали стирать фамилии получивших первую помощь, чтобы заменять их новыми.

– В мое отсутствие произошло землетрясение? – спросила она у дежурной насмешливо.

– Вы очень кстати, у нас вавилон.

– Сама вижу! Что стряслось? – спросила Лорэн.

– Прицеп грузовика оторвался и врезался в витрину супермаркета. Двадцать три раненых, из них десять тяжелых. Семеро в боксах, трое на сканировании, я позвонила в реанимацию и попросила подкрепление. – И Бетти протянула ей стопку карточек.

– Вечер начинается неплохо! – проворчала Лорэн, натягивая халат.

Она вошла в первую смотровую палату.

На койке недвижно лежала молодая женщина лет тридцати. Из левого уха стекала струйка крови. Лорэн понимала, что это значит. Она быстро заглянула в карточку поступления и, достав из кармана халата фонарик, приподняла женщине веки. Зрачки не отреагировали на пучок света. Взглянула на посиневшие кончики пальцев и осторожно опустила руку женщины. Для очистки совести приставила стетоскоп к основанию ее шеи, потом натянула на голову умершей простыню. Сверившись с настенными часами, сделала пометку в блокноте и перешла в следующий бокс. На служебном листке, оставленном на койке, было записано время: 20 часов 21 минута. Время смерти должно указываться так же точно, как и время рождения.

***

Артур облазил все кухонные углы, выдвинул все до одного ящики и наконец погасил огонь под закипавшей в кастрюльке водой. Затем пересек лестничную площадку и позвонил в дверь соседки. Ответа не было, он уже собирался возвращаться ни с чем, когда дверь открылась.

– У вас это называется «настойчивый звонок»? – спросила мисс Моррисон.

– Не хотелось вас беспокоить. У вас не найдется соли?

Мисс Моррисон недоуменно уставилась на него.

– Не могу поверить, что мужчины до сих пор прибегают к таким грубым приемам заигрывания!

В глазах Артура читалось недоумение. Пожилая дама от души расхохоталась.

– Ну и вид у вас! Входите, пряности в корзине рядом с мойкой, – сказала она, указывая на смежную с гостиной кухоньку. – Берите все, что вам нужно, а я вас оставляю, я ужасно занята.

И поспешила обратно в глубокое кресло напротив телевизора. Артур в замешательстве посматривал из-за кухонной стойки на седую макушку мисс Моррисон, ерзавшей в кресле.

– Послушайте, мой мальчик, либо вы остаетесь, либо уходите, делайте что хотите, только без шума! Через минуту Брюс Ли совершит невероятное «ката» и устроит хорошую взбучку малютке-заправиле триад, который начинает действовать мне на нервы.

Старушка жестом пригласила Артура устроиться в соседнем кресле, только молча!

– Когда кончится эта сцена, выньте из холодильника тарелку с мясом и досмотрите со мной фильм, не пожалеете! К тому же ужинать вдвоем всегда лучше, чем в одиночестве!

***

Окровавленный мужчина на операционном столе страдал от множественных переломов ног. Судя по его мертвенно-бледному лицу, «страдал» было самым подходящим словом.

Лорэн достала из шкафчика с медикаментами стеклянную ампулу и шприц.

– Я не выношу уколов! – простонал пациент.

– У вас сломаны обе ноги, а вы боитесь иголки? Мужчины не перестают меня удивлять!

– Что вы собираетесь мне ввести?

– Древнейшее на свете средство от боли.

– Оно ядовито?

– Боль вызывает стресс, тахикардию, повышение давления, навсегда оставляет мнестические следы… Поверьте, это гораздо вреднее нескольких миллиграммов морфина.

– Мнестические?..

– Чем вы занимаетесь, мистер Ковач?

– Я автомеханик.

– Давайте с вами договоримся: доверьте мне свое здоровье, а я как-нибудь пригоню вам свой «триумф» и позволю делать с ним все, что вам вздумается.

Лорэн ввела иглу в катетер и нажала на поршень шприца. Поступление в кровь алкалоида должно было прекратить мучения Фрэнсиса Ковача. Жидкость с содержанием опия проникла в плечевую вену, оттуда достигла мозгового ствола и немедленно затормозила неврологический сигнал боли. Лорэн присела на скамеечку на колесиках и, вытирая пациенту лоб, следила за его дыханием. Ему полегчало.

– Этот препарат называется морфином в честь Морфея, так что вы теперь можете отдыхать. Вам сильно повезло.

Ковач театрально возвел глаза к потолку.

– Я спокойно отправляюсь за покупками, – пробормотал он. – В отделе замороженных продуктов меня сбивает грузовик, теперь у меня раздроблены

ноги. Что же в вашей профессии понимается под «везением»?

– А то, что вы не лежите в соседнем боксе!

Штора смотровой палаты отъехала в сторону. Профессор Фернстайн был не в духе.

– Хотелось верить, что в этот выходной вы отдыхаете, – мрачно проворчал он.

– Вера – это из области религии, – ответила Лорэн ему в тон. – Я просто заехала на минутку, но, как вы сами видите, работы здесь невпроворот, – добавила она, ни на миг не отвлекаясь от больного.

– В отделении «неотложной помощи» никогда не сидят без дела. А вы, рискуя собственным здоровьем, пренебрегаете здоровьем ваших больных. Сколько часов вы продежурили на этой неделе? Сам не знаю, зачем я вас об этом спрашиваю, вы же ответите, что в любви счет неуместен. – И Фернстайн в негодовании покинул бокс.

– Вот именно, – пробормотала Лорэн, приставляя стетоскоп к груди автомеханика, со страхом смотревшего на нее. – Не волнуйтесь, я всегда в рабочей форме, а он всегда такой ворчун.

В бокс заглянула Бетти.

– Давай я сама им займусь. Ты нужнее рядом, мы сбиваемся с ног!

Лорэн встала и попросила медсестру позвонить ее матери. Она останется здесь на всю ночь, так что матери придется позаботиться о ее собаке Кали.

***

Мисс Моррисон мыла тарелки, Артур задремал у нее на диване.

– По-моему, вам пора отправляться на боковую.

– Я тоже так думаю, – согласился Артур, потягиваясь. – Большое спасибо за компанию.

– Добро пожаловать в дом 212 по Пасифик-стрит. Сама я иногда слишком скромничаю, но вы всегда можете позвонить мне в дверь, если вам что-то понадобится.

Уже оставляя ее, Артур обнаружил черно-белую собачонку, растянувшуюся под столом.

– Это Пабло, – объяснила мисс Моррисон. – Когда он так валяется, можно подумать, что он мертвый, но он всего лишь спит, это его любимое занятие. Кстати, пора его будить и вести на прогулку.

– Хотите, чтобы его вывел я?

– Вам лучше лечь, у вас такое состояние, что, чего доброго, я найду вас обоих завтра утром храпящими под каким-нибудь деревом.

Артур попрощался с ней и вернулся к себе. Ему хотелось продолжить уборку, но усталость взяла верх.

Растянувшись на кровати и заложив руки за голову, он стал смотреть через приоткрытую дверь спальни. Громоздившиеся в гостиной коробки будили воспоминания о другом вечере, о других временах, когда он обитал на последнем этаже викторианского домика неподалеку отсюда.

***

Был уже третий час ночи, и старшая медсестра искала Лорэн. Отделение «неотлож-ной помощи» наконец-то опустело. Воспользовавшись передышкой, Бетти решила пополнить запасы в аптечных шкафчиках смотровых палат. Пройдя в конец коридора, она отодвинула шторку последнего бокса. Лорэн безмятежно спала, свернувшись калачиком на койке. Бетти снова закрыла бокс и удалилась, качая головой.

2

Артур проснулся около полудня. В окно гостиной заглядывало теплое солнце, уже добравшееся до зенита. Он приготовил себе скудный завтрак и позвонил Полу на мобильный телефон.

– Привет, лежебока, – обрадовался его друг, – ты проспал целую половину суток, как я погляжу. – И сейчас же предложил вместе пообедать, но у Артура имелся другой план.

– Короче говоря, – подвел итог Пол, – ты предоставляешь мне выбор: отпустить тебя в Кармел пешком или отвезти?

– Нет, лучше я заберу «форд» из гаража твоего отчима, и мы отправимся туда вместе.

– Твоя машина не ездила невесть сколько времени. Хочешь проторчать все выходные на шоссе, дожидаясь техпомощи?

На это Артур ответил, что его любимцу доводилось простаивать гораздо дольше, к тому же он знает страсть отчима Пола к старым машинам, тот наверняка сдувал с него пылинки.

– Мой старичок «форд» шестидесятых годов находится в лучшем состоянии, чем твой доисторический кабриолет!

Пол посмотрел на часы. Оставалось несколько минут, чтобы позвонить в гараж. Придется Артуру встретиться с ним там.

В три часа дня друзья сошлись у гаражных ворот. Пол повернул ключ в замочной скважине и вошел в мастерскую. Среди ждущих ремонта полицейских автомобилей Артур как будто узнал старую «скорую помощь», спавшую под брезентовым чехлом. Он подошел к ней и приподнял брезент. Уже вид решетки радиатора пробудил в нем ностальгические чувства. Артур обошел кузов. Не сразу решился откинуть задний борт. Внутри кузова, под толстым слоем пыли, он разглядел носилки. В нем ожило столько воспоминаний, что Полу пришлось

повысить голос, чтобы пробудить его от грез.

– Брось тыкву, Золушка, и иди сюда. Чтобы выкатить твой «форд», придется переставить три машины. Мы же собрались ехать в Кармел, так давай не пропустим закат!

Артур вернул на место край чехла, похлопал «скорую» по капоту.

– До свидания, Дейзи, – пробормотал он.

Четыре нажатия на педаль акселератора, всего три «чиха» – и двигатель «форда» завелся. После нескольких маневров Артура под аккомпанемент ругательств Пола машина выкатилась из гаража и устремилась в северную часть города, к автостраде номер 1, идущей вдоль берега Тихого океана.

– Ты все еще думаешь о ней? – спросил Пол.

Вместо ответа Артур открыл окно и впустил внутрь машины теплый ветер.

Пол постучал пальцем по зеркальцу заднего вида, словно проверял микрофон.

– Раз-два-три, раз-два-три, так, работает, попробую еще раз. Ты все еще о ней думаешь?

– Случается, – ответил Пол.

– Часто?

– Немножко утром, немножко днем, немножко вечером, немножко ночью.

– Ты правильно сделал, что уехал во Францию, чтобы забыть ее: судя по твоему виду, ты полностью выздоровел! По выходным она тоже не выходит у тебя из головы?

– Я не говорил, что запрещал себе жить. Тебе хотелось знать, думаю ли я о ней, я ответил, вот и все. У меня были там свидания, если это тебя успокаивает. И

вообще, давай сменим тему, не хочу об этом говорить.

Машина мчалась к заливу Монтеррей, Пол любовался в окно океанскими пляжами. Несколько километров они проехали в полном молчании.

– Надеюсь, ты не намерен пытаться снова ее повстречать? – спросил Пол.

Артур ничего не ответил, и в машине снова повисла тишина.

Машина ехала то мимо пляжей, то мимо болот. Пол выключил радио, которое барахлило всякий раз, когда по сторонам дороги вырастали холмы.

– Быстрее, не то мы не успеем до заката!

– У нас еще два часа в запасе, и потом, с каких пор у тебя такие буколические пристрастия?

– Просто не люблю потемки! Девушки на пляже – вот что меня интересует!

***

Солнце уже заходило, его лучи проникали между книжными полками, закрывавшими угловое окно гостиной. Лорэн проспала добрую часть дня. Посмотрев на часы, она побрела в ванную. Вымыв лицо, открыла шкаф и замерла в нерешительности, поднеся руку к спортивным брюкам. У нее оставалось совсем немного времени для пробежки в парке у берега океана, а потом надо было торопиться на ночное дежурство. Однако она чувствовала необходимость освежиться.

Она натянула костюм. Придется обойтись без ужина, дурацкое у нее расписание, ничего, проглотит что-нибудь по пути. Она нажала на телефоне кнопку воспроизведения сообщений. Звонил ее бойфренд, напоминавший, что этим вечером они должны быть вдвоем на показе последнего документального фильма, который он снял. Она стерла сообщение, прежде чем голос Роберта назвал время встречи.

***

«Форд» съехал с шоссе номер 1 уже четверть часа назад. Вдали, на холме, показалась ограда имения. Артур резко повернул и помчался в сторону Кармела.

– У нас еще полно времени, давай сперва завезем сумки, – предложил Пол.

Но Артур не пожелал возвращаться, у него была идея получше.

– Жаль, что я не купил прищепки, – заворчал Пол. – Представляю, как мы пробираемся среди паутины! Наверняка дом изрядно запущенный.

– Иногда я спрашиваю себя, повзрослеешь ли ты когда-нибудь. Там регулярно убирались, постели застелены свежим бельем. Может быть, ты не знаешь, но во Франции есть телефон, компьютеры, Интернет, даже телевидение! Только в кафетерии Белого дома до сих пор считают, что французы живут без водопровода.

Они свернули на дорогу, взбиравшуюся на холм. Перед ними протянулась чугунная кладбищенская ограда.

Как только Артур вышел из машины, за руль уселся Пол.

– Скажи-ка, в этой волшебной избушке, которая сама себя поддерживает в порядке, пока тебя нет, плита с холодильником, часом, не договорились насчет ужина для нас?

– Нет, такого не предусмотрено.

– Тогда надо что-то купить, пока не закрылись магазины. Я скоро! – И Пол добавил радостным голосом: – Надо ведь позволить тебе немного побыть наедине с твоей матушкой.

Мини-маркет располагался километрах в двух. Артур проводил взглядом машину, дождался, когда уляжется поднятая пыль, повернулся и зашагал к воротам. Все заливал мягкий свет: казалось, душа Лили парит вокруг него, так

часто случалось после ее смерти. В конце аллеи стоял побелевший на солнце надгробный камень. Артур зажмурился, в саду пахло дикой мятой. Он тихо заговорил…

Мне вспоминается один день в розовом саду. Я играл, сидя на земле, мне было лет шесть, может быть, семь. Это было на заре нашего последнего года. Ты вышла из кухни и села под верандой. Я тебя не заметил. Энтони ушел к морю, и я занялся, пока его нет, запрещенной игрой: подстригал розовые кусты его секатором, который был для меня великоват. Ты слезла с качелей и спустилась ко мне по ступенькам, чтобы не дать мне пораниться.

Услышав твои шаги, я решил, что ты сейчас закричишь, ведь я предал твое доверие ко мне, и отберешь у меня инструмент – так снимают медаль с груди того, кто ее не достоин. Но ничего подобного, ты села рядом со мной и смотрела на меня. Потом взяла мою руку в свою и направила секатор вдоль стеблей. Голосом, смягченным улыбкой, ты сказала мне, что резать надо всегда над глазками, иначе можно поранить розу, а ведь мужчина никогда не должен ранить розы, правда? А думает ли кто-нибудь о том, что ранит мужчин?

Наши взгляды встретились. Ты приподняла мне пальцем подбородок и спросила, не одиноко ли мне. Я отрицательно покачал головой – изо всех сил, чтобы только хватило отогнать ложь. Ты не могла всегда быть со мной в промежутке, отделяющем мой возраст от твоего, и мне приходилось заполнять это время по-своему. Мама, веришь ли ты в неизбежность, заставляющую нас воспроизводить поведение наших родителей?

Я помню то, что ты написала в своем последнем письме, которое ты мне оставила. Я тоже отступился, мама.

Я не представлял, что могу любить так, как любил ее. Я поверил в нее, как верят в сон. Когда сон развеялся, я исчез вместе с ним. Я думал, что мне достанет смелости и самоотречения, чтобы отмахнуться от всех тех, кто уговаривал меня больше с ней не встречаться. Выйти из комы – все равно что заново родиться. Лорэн нужна была вся ее семья. А семьей ее были мать и молодой человек, с которым она снова сошлась. Кто для нее я, если не незнакомец? Во всяком случае, не тот, кто открыл бы ей глаза и сказал, что все, кто ее окружал, согласились на ее смерть! Я был не вправе нарушать ненадежное спокойствие, в

котором она так нуждалась.

Ее мать умоляла меня не говорить ей, что и она от нее отказалась. Нейрохирург убеждал меня, что это вызовет шок, от которого она, возможно, уже не оправится. Бойфренд, вернувшийся в ее жизнь, оказался последним барьером, выросшим между ею и мной.

Я знаю, что ты думаешь. И правда не только в этом, и пугает множество вещей. Мне потребовалось время, чтобы признаться самому себе: я не поверил в то, что смогу увлечь ее в свои сны, выдержать их высоту, сделать их реальностью, оказаться, в конце концов, тем человеком, которого она ждала; мне было страшно сказать себе, что она меня забыла.

Я тысячи раз собирался снова ее отыскать, но и тут меня останавливал страх, что она мне не поверит, что я не сумею снова изобрести наш с нею смех вдвоем, что она уже не будет той, которую я любил, но особенно страх опять ее потерять, на это у меня уже не хватило бы сил. Я уехал за границу, чтобы оказаться подальше от нее. Но, когда любишь, любые расстояния не в счет. Стоило незнакомой женщине на улице напомнить мне о ней – и я уже видел ее, моя рука выводила на бумаге ее имя, словно это могло перенести ее ко мне, мои глаза закрывались, чтобы увидеть ее глаза, я искал тишины, чтобы услышать ее голос. Тем временем я запарывал самый многообещающий проект в моей жизни! Я построил Культурный центр со сплошным фасадом, смахивающим на больничный!

Уезжая туда, я бежал от собственной трусости. Я отступился, мама, и если бы ты знала, как я кляну себя за это! Я живу в противоречии: надеюсь, что жизнь снова устроит нам встречу, и не знаю, посмею ли с ней заговорить. Теперь мне надо сделать шаг вперед, я знаю, ты поймешь, почему я хочу так поступить с твоим домом, и не рассердишься на меня. Но не волнуйся, мама, я не забыл, что одиночество – это сад, где ничего не растет. Даже если сегодня я живу без нее, больше я никогда не буду одинок, пока она где-то существует.

Артур погладил белый мрамор и сел на камень, еще сохранивший тепло дня. Вдоль стены, тянущейся у могилы Лили, росла виноградная лоза. Каждое лето на ней вызревало несколько гроздьев ягод, и их склевывали птицы Кармела.

Раздался шорох гравия, и, обернувшись, Артур увидел Пола, присевшего перед стелой в нескольких метрах от него. Пол тоже заговорил, как на исповеди:

– Дела обстоят неважно, госпожа Тармакова! Место вашего погребения так запущено, что даже стыдно! Я давно здесь не был, но учтите, не меня надо в этом винить. Из-за женщины, призрак которой явился этому болвану, он решил бросить своего лучшего друга. Но, как вы сами знаете, лучше поздно, чем никогда. Я принес все, что необходимо.

Пол достал из пакета с покупками щетку, пузырек жидкого мыла, бутылку воды и принялся с силой тереть камень.

– Можно узнать, чем ты занимаешься? – спросил Артур. – Ты знаешь эту госпожу Тармакову?

– Она умерла в тысяча девятьсот шестом году!

– Пол, прерви хотя бы ненадолго свои глупости! Здесь полагается благоговеть, а не паясничать!

– Вот я и благоговею – навожу чистоту.

– На могиле незнакомки?

– Это не незнакомка, старина, – возразил Пол, вставая. – Ты столько раз заставлял меня сопровождать тебя на кладбище, где покоится твоя мать, что глупо закатывать сцену ревности, если я начал симпатизировать ее соседке.

Пол еще полил на камень, которому вернул былую чистоту, и теперь с удовлетворением созерцал результат своего труда. Артур озадаченно посмотрел на него и тоже выпрямился.

– Дай мне ключи от машины!

– До свидания, госпожа Тармакова, – произнес Пол. – Не волнуйтесь, что он уходит, до Рождества мы с вами увидимся еще не менее двух раз. К тому же теперь совсем другое дело, до осени тут у вас останется чисто.

Артур взял друга за руку.

– Я должен был сказать ей кое-что важное.

Пол повел его к большим чугунным воротам кладбища.

– Прекрасно. Я купил мясо на ребрышках, мне будет важно узнать твое мнение о нем.

Над аллеей, где покоилась лицом к океану Лили, шумели ветвями старые деревья. Артур и Пол подошли к машине, ждавшей их на склоне холма. Пол посмотрел на часы. Солнце должно было вот-вот скрыться за горизонтом.

– Кто поведет – ты или я? – спросил Пол.

– Старый мамин «форд»? Ты шутишь! То, что ты сейчас ездил на нем в магазин, – исключение.

Машина спускалась с холма.

– Больно надо мне водить твой старый «форд»!

– Почему тогда ты всегда задаешь этот вопрос?

– Да пошел ты!

– Ты собираешься приготовить ребрышки в камине на вертеле?

– Нет, я их зажарю на книжных полках.

– Предлагаю после пляжа полакомиться в порту лангустами, – сказал Артур.

Горизонт уже кутался в бледно-розовый шелк, длинные розовые полосы тянулись от океана к самому небу.

***

Лорэн запыхалась от бега. Чтобы отдышаться и съесть сэндвич, она села на скамейку перед маленькой пристанью для яхт. Мачты парусников покачивались на несильном ветру. Появился Роберт.

– Я знал, что найду тебя здесь, – проговорил он, не вынимая руки из карманов.

– Ты ясновидящий или следишь за мной?

– Колдовство мне ни к чему, – сказал Роберт, опускаясь на скамейку рядом с ней. – Я же тебя знаю. Либо ты в больнице, либо в постели, либо бегаешь.

– Я очищаюсь!

– В том числе от меня? Ты не отвечала на мои звонки.

– Роберт, у меня нет никакого желания снова заводить этот разговор. После каникул заканчивается моя интернатура, а мне надо еще многое доделать, если я хочу, чтобы меня приняли в штат.

– Ты думаешь только о работе. После твоей аварии многое изменилось.

Лорэн выбросила недоеденный сэндвич в корзину для мусора и поднялась, чтобы перевязать шнурки кроссовок.

– Мне необходима разрядка. Ты не возражаешь, если я еще пробегусь?

– Идем, – сказал Роберт, беря ее за руку.

– Куда?

– Хоть однажды постарайся довериться мне.

И он повлек ее под руку к стоянке. Скоро машина тронулась в сторону Пасифик-Хейтс.

***

Два друга устроились на краю пирса. Волны маслянисто переливались, небо горело огнем.

– Конечно, я лезу в то, что меня не касается, но на случай, если ты не заметил, подскажу: солнце садится с другой стороны, – сказал Артур Полу, усевшемуся лицом к пляжу.

– Да, ты вечно суешься не в свое дело! Твое солнце и завтра утром никуда не денется, а вот о тех двух девицах этого сказать нельзя.

Артур осмотрел двух молодых женщин, сидевших на песке. Тех разбирал смех. Одной растрепало ветром волосы, другая протирала запорошенные песком глаза.

– Ты неплохо придумал с этими лангустами! – воскликнул Пол, хлопнув Артура по колену. – Я слишком нажимаю на мясо, немного рыбки мне очень полезно.

В небе над заливом Монтеррей загорались первые звезды. На пляже несколько пар наслаждались недолгим безветрием.

– Лангусты – это ракообразные, – поправил Артур друга, шагая в ногу с ним по пирсу.

– Да уж, эти лангусты – страшные задаваки. Чего они только мне не наплели про себя! В общем, девушка слева в твоем вкусе, смахивает на леди Каспер, а мне подавай ту, что справа.

***

– Твой ключ при тебе? – спросил Роберт, роясь в карманах. – Я забыл свой на работе.

Она вошла в квартиру первой. Ей хотелось освежиться, она оставила Роберта в гостиной. Он сел на диван и услышал шум душа.

Он осторожно приоткрыл дверь спальни, побросал на кровать всю свою одежду и на цыпочках прокрался к ванной. Зеркало сильно запотело. Он отодвинул занавеску и вошел в кабину.

– Хочешь, потру тебе спину?

Лорен не отвечала, она прижалась к кафельной стене. Прикосновение к ее животу было приятным. Роберт положил ладони ей на затылок, помассировал ей плечи. Его ласки становились настойчивее. Она уронила голову, уступая ему.

***

Метрдотель усадил их за столик у огромного окна. Рассказы Пола вызывали у Онеги безудержный хохот. Их с Артуром юность в пансионе, студенческие годы, первые шаги основанного ими на пару архитектурного агентства… Историй хватило до конца ужина. Артур все это время сидел молча, потерянно глядя на океан. Когда шеф-повар предложил им полюбоваться гигантскими лангустами, Пол лягнул Артура ногой под столом.

– У вас отсутствующий вид, – шепотом, чтобы не перебивать Пола, упрекнула его Матильда, соседка.

– Можете говорить громко, он все равно не услышит… Жаль, но это правда, я задумался. Я только что вернулся из долгого путешествия, к тому же эта история мне прекрасно известна, ведь я в ней участвовал!

– Ваш друг рассказывает ее каждый раз, когда вы приглашаете женщин поужинать? – весело осведомилась Матильда.

– Разве что с небольшими отклонениями, немного приукрашивая мою роль, – ответил Артур.

Матильда долго рассматривала его, потом вымолвила:

– Вы ведь по кому-то скучаете? Глаза выдают вас.

– Нет, просто эти места всегда будят во мне кое-какие воспоминания.

– Мне потребовалось полтора долгих месяца, чтобы оправиться после последнего разрыва. Говорят, на выздоровление после любовной истории нужна половина времени, которое ушло на нее саму. А потом просыпаешься однажды утром и обнаруживаешь, что вся тяжесть прошлого по какому-то волшебству исчезла. Вы не представляете, какую легкость при этом ощущаешь. Лично я сейчас свободна как ветер.

Артур перевернул руку Матильды, словно интересуясь линиями судьбы у нее на ладони.

– Вам сильно повезло, – проговорил он.

– А сколько времени длится ваше выздоровление?

– Уже несколько лет!

– Вы так долго пробыли вместе? – спросила молодая женщина потеплевшим голосом.

– Нет, всего четыре месяца.

Матильда Беркейн, уставившись в тарелку, с яростью набросилась на своего лангуста.

***

Роберт, лежа на кровати, потянулся за джинсами.

– Что ты ищешь? – спросила Лорэн, вытирая полотенцем волосы.

– Пачку.

– Ты собрался тут курить?

– Жевательная резинка! – Роберт гордо показал ей коробочку, извлеченную из кармана штанов.

– Прежде чем выбросить, заверни твою гадость в бумажку. Для других она отвратительна!

Она натянула брюки и синюю рубашку с аббревиатурой Мемориального госпиталя Сан-Франциско.

– Это в самом деле смешно, – проговорил Роберт, заложив руки за голову. – Каких только ужасов ты не насмотрелась у себя в больнице, а не выносишь моей жвачки.

Лорэн надела блузку и поправила перед зеркалом воротник. Когда она подумала о своей работе, об атмосфере в отделении «неотложной помощи», к ней вернулось хорошее настроение. Она взяла со столика свои ключи и вышла из спальни, но, дойдя до середины гостиной, вернулась. Глядя на Роберта, растянувшегося голышом на постели, она произнесла:

– Не изображай душку-спаниеля, тебе же просто нужна спутница для генеральной репетиции премьеры сегодня вечером. Ты думаешь только о себе, я для тебя – просто приложение.

Она закрыла дверь квартиры и спустилась на стоянку. Через несколько минут она уже катила сквозь теплый вечер, крепко держа руль своего «триумфа». На Грин-стрит зажигались один за другим уличные фонари, словно приветствуя ее появление. От этой мысли она улыбнулась.

3

Престарелый «форд» взбирался на холм под рыжей луной, освещавшей весь залив Монтеррей. Пол не произнес ни слова с тех пор, как они проводили двух женщин до их отеля. Артур выключил радио и остановил машину на парковочной

площадке над обрывом. Он заглушил мотор и уперся подбородком в руки, сложенные на бакелитовом руле. Внизу угадывались контуры дома. Он опустил стекло, и в машине запахло дикой мятой, покрывавшей эти холмы.

– Почему ты сидишь с таким видом? – спросил Артур.

– Ты принимаешь меня за идиота? – Пол стукнул кулаком по приборной доске. – От этой машины ты тоже собрался избавиться? Вздумал освободиться от всех воспоминаний?

– Ты это о чем?

– Я тебя раскусил. «Сначала на кладбище, потом на пляж, поедим лучше лангустов…» Думал, в темноте я не увижу на заборе объявление «продается»? Ты давно принял это решение?

– Несколько недель назад. Но еще не получил серьезных предложений.

– Я советовал тебе перевернуть страницу с той женщиной, а не сжечь библиотеку с прошлым. Если ты избавишься от дома Лили, то потом очень пожалеешь. Рано или поздно приедешь сюда и будешь прохаживаться вдоль забора и звонить в ворота, чужие люди впустят тебя в твой собственный дом. Когда они подведут тебя к дверям твоего детства, ты почувствуешь себя совсем одиноким.

Артур снова запустил мотор. Зеленые ворота имения были открыты, скоро машина остановилась под тростниковой крышей стоянки.

Вылезая из машины, Пол проворчал:

– Ты упрямее осла!

– У тебя их было много?

Небо было безоблачным. При ярком лунном свете Артур узнавал окрестности. Друзья спустились по каменной лесенке, параллельной дороге. На полпути Артур различил справа остатки розария. Парк заброшен, но на каждом шагу

тысячи ароматов вызывали хороводы воспоминаний.

Спящий дом выглядел так же, как в последнее их общее с Лорэн утро. Фасад с закрытыми ставнями еще сильнее обветшал, но черепица крыши оставалась нетронутой.

Пол подошел к крыльцу, поднялся по ступенькам и окликнул Артура из-под веранды.

– У тебя есть ключи?

– Они в агентстве. Подожди, внутри есть еще одна связка.

– Собираешься пройти сквозь стену?

Артур не ответил. Он направился к угловому окну и не задумываясь вынул из-под ставня клинышек. Ставень со скрипом открылся. Еще чуть сдвинуть раму с места и приподнять ее… Больше ничто не мешало Артуру проникнуть внутрь.

Маленький кабинет погружен в темноту, но Артур ориентировался в нем с закрытыми глазами. Детские воспоминания были живы, он знал наизусть каждый угол. Стараясь не поворачиваться, чтобы не увидеть кровать, он приблизился к шкафу, открыл дверцу и опустился на колени. Достаточно протянуть руку – и можно прикоснуться к черному кожаному чемоданчику, все еще хранившему тайны Лили. Он отодвинул две защелки, откинул крышку. Из чемоданчика по-прежнему пахло благовонием, которое Лили смешивала в большом графине желтого хрусталя с матовой серебряной пробкой. Но это было не единственное воспоминание о матери, от которого у него сжалось сердце.

Артур взял длинный ключ там, где оставил его в тот день, когда в последний раз запирал дом. То есть сразу после отъезда полицейского, забравшего Лорэн в больничную палату, откуда Артур и Пол похитили ее, чтобы спасти от запрограммированной смерти.

Артур вышел из кабинета. В коридоре он зажег свет. Паркет скрипел под его ногами. Он вставил ключ в замочную скважину и повернул. Пол вошел в дом.

– С ума сойти! Магнум и Мак Гивер в одном доме!

Войдя в кухню, Артур отвернул вентиль газового баллона под раковиной и уселся за большой деревянный стол. Пол, наклонившись над газовой плитой, наблюдал, как на конфорке варится в итальянском кофейнике кофе. Чарующий аромат уже наполнял кухню. Пол взял с потемневшей деревянной полки две чашки и сел напротив друга.

– Сохрани эти стены и прогони из своей головы ту женщину, она и так натворила там бед.

– Не собираюсь опять начинать этот разговор!

– Я, что ли, сижу с похоронной миной, когда мы приглашаем поужинать два создания, о которых можно только мечтать? – не унимался Пол, разливавший обжигающую жидкость.

– Вот ты и мечтай!

– Пора навести в твоей жизни какой-то порядок! – возмущенно заявил Пол. – У тебя новая квартира, вдохновляющее тебя дело, гениальный партнер, девушки, к которым пристаю я, слушают меня из вежливости, а сами спят и видят, чтобы ими заинтересовался ты.

– Ты о той, что пожирала тебя глазами?

– Я не об Онеге, а о второй! В общем, тебе пора поразвлечься.

– Я и так развлекаюсь, Пол. Может быть, не так, как ты, но все равно развлекаюсь, поверь. Лорэн нет больше в моей жизни, но она – часть меня. И потом, я уже говорил тебе, что не запрещаю себе жить. Это первый наш вечер после моего возвращения, и мы уже, если я не путаю, ужинали не одни.

Пол как заведенный помешивал ложечкой в чашке.

– Ты не кладешь себе в кофе сахар… – пробормотал Артур, накрывая рукой руку друга.

Ночь была ясной, в кухне старого дома на берегу океана двое сообщников молча смотрели друг на друга.

– Стоит мне вспомнить эту немыслимую историю, которую мы пережили, как у меня появляется острое желание отхлестать тебя по щекам, чтобы ты окончательно очнулся, – говорил Пол. – Предположим, у тебя хватит глупости попытаться снова ее увидеть. Что бы ты ей сказал? Когда ты рассказал мне о том, что с тобой приключилось, я заставил тебя сделать сканирование мозга… Это я-то, твой лучший друг! А она врач, если бы ты сказал ей правду, то она надела бы на тебя смирительный балахон, с капюшоном или без, не знаю! Ты совершил то, что был обязан совершить, я восхищаюсь тобой. Тебе хватило смелости защищать ее до самого конца.

– Лучше мне лечь спать, я очень устал, – сказал Артур, вставая.

Он уже брел по коридору, когда Пол окликнул его. Артур просунул голову в дверь.

– Я твой друг, ты знаешь это? – произнес Пол.

– Да!

Артур вышел через заднюю дверь и обошел дом. Задел плечом ржавые качели, огляделся. На веранде разошлись половицы; стены, хранившие следы летних ожогов и соленых зимних подтеков, заросший сад – все было воплощением печали. Артур поежился на свежевшем ветру. Он достал из кармана куртки конверт с письмом, которое начал в Париже – скамейка, площадь Фюрстенберг, – дописал последнюю страницу и снова убрал в карман.

***

Ночной туман с океана дотянулся до города. У стойки «Парижского кафе», что напротив входа в отделение «неотложки», Лорэн читала меню.

– Не пойму, что вы делаете в этот ночной час в моем баре, да еще одна, – сказал хозяин, наливая ей содовую.

– Допустим, у меня передышка.

– Вечером клиентов было хоть отбавляй. Настоящий балет карет «скорой помощи»! – не унимался хозяин, протирая стаканы. – Спасти весь мир – дело хорошее, но вы бы лучше подумали об одной-единственной жизни – о собственной.

Лорэн наклонилась к нему, как будто решилась на откровенность.

– Просветите меня: здесь только обо мне и болтают или вечером здесь ужинал доктор Фернстайн?

– Вон он сидит, – подтвердил хозяин кафе, указывая глазами в глубь зала.

Лорэн слезла с табурета и нашла профессора за отгороженным столиком.

– Будете корчить такие гримасы, я вернусь за стойку и поужинаю там одна, – предупредила Лорэн, ставя свой стакан на его стол.

– Чем болтать глупости, лучше садитесь.

– Ваши вчерашние внушения в присутствии пациента были излишни. Иногда вы обращаетесь со мной, как со своей внучкой.

– Вы мне не внучка, а хуже: я создал вас собственными руками. После аварии я сшил вас на живую нитку…

– Спасибо, профессор, что хотя бы вынули из моего черепа болты.

– У меня получилось лучше, чем у Франкенштейна, разве что с характером я промахнулся. Не желаете разделить трапезу старого эскулапа – оладьи и много кленового сиропа?

– В таком порядке – пожалуй.

– Сколько больных вы обработали за сегодняшнюю смену? – спросил Фернстайн, пододвигая ей тарелку.

– Добрую сотню, – доложила она, накалывая на вилку целую стопку оладий. – А вы почему здесь задержались? Вам-то ни к чему накапливать дежурства, чтобы побольше заработать.

– Похвальный задор для субботы, – заметил Фернстайн с набитым ртом.

За витриной видавшего виды заведения ужинали старый профессор-медик и его ученица – сообщники, наслаждавшиеся мгновением покоя под конец ночной смены. В стационарном отделении «неотложки» еще несколько часов могли не замечать их отсутствия. Над улицей погасли раскачивающиеся фонари. В бледном небе занималась заря.

***

Артур задремал прямо на качелях. Вокруг разлилась нежность зарождающегося дня. Он открыл глаза и посмотрел на дом, который, казалось, мирно спал. Внизу океан лениво облизывал песок, заканчивая свою ночную работу. Пляж снова выглядел гладким, нетронутым. Артур встал и глубоко втянул свежий утренний воздух. Потом заторопился к крыльцу, пробежал по коридору, влетел на лестницу, забарабанил в дверь и ворвался, запыхавшийся, в комнату Пола.

– Ты спишь?

Пол подскочил на кровати и рывком сел. Оглядевшись, он увидел в дверном проеме Артура.

– Немедленно иди спать! Забудь о моем существовании, пока часовая стрелка будильника не доберется до приличной цифры – скажем, до одиннадцати. Тогда и только тогда ты сможешь задать мне свой дурацкий вопрос.

Пол отвернулся и накрыл голову большой подушкой. Артур побрел было прочь, но посередине коридора передумал и вернулся.

– Хочешь к завтраку свежий батон?

– Вон отсюда! – рявкнул Пол.

***

Лорэн открыла дистанционным пультом ворота гаража, въехала внутрь и сразу заглушила двигатель. Кали ненавидела «триумф» и при первых же звуках его мотора разражалась лаем. Лорэн прошла коридором, взбежала по главной лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и вошла в квартиру.

Часы на камине показывали половину шестого утра. Кали спрыгнула с дивана и радостно встретила хозяйку. Поласкавшись, собака снова уснула, теперь уже на коврике цвета кокоса посредине гостиной. Лорэн начала с заваривания травяного чая. На дверце холодильника мать оставила для Лорэн записку, прикрепив ее магнитом в виде лягушки: «Кали ужинала и гуляла». Лорэн натянула ночную рубашку, которая была ей велика, и с наслаждением свернулась калачиком под теплым одеялом. Уже через мгновение ею овладел сон.

4

Пол спускался по лестнице с вещами. Забрав из коридора сумку Артура, он крикнул ему, что подождет снаружи. Он сел в «форд», на место пассажира, повертел головой, засвистел. Потом осторожно перелез через ручку переключения передач и оказался за рулем.

Артур запер изнутри входную дверь. Зашел в кабинет Лили, открыл шкаф и посмотрел на черный кожаный чемоданчик на полке, отпер замки, положил в чемодан заклеенный конверт, принесенный в кармане, вернул на место ключ. И вылез через окно.

Ставя на место клинышек, державший ставни закрытыми, он слышал голос своей матери, всегда, когда они уезжали вдвоем в город за покупками, сердившейся на Энтони, который никак не починит ставни. Потом увидел Лили в саду: она пожимала плечами и говорила, что у домов тоже есть право на

морщины. Этот деревянный клин свидетельствовал о времени, которое не возвращается.

– Подвинься! – приказал он Полу, открывая дверцу машины.

Сев в машину, он наморщил нос.

– Какой-то тут странный запах…

Автомобиль тронулся с места. Немного погодя стекло со стороны Пола опустилось, показалась рука, в кончиках пальцев – пластиковый пакет с эмблемой мясной лавки; Пол бросил его в мусорный бак у выезда из имения. Они отправились в путь задолго до обеденного времени, чтобы избежать пробок, обычно возникающих к концу уик-энда. В середине дня они должны быть в Сан-Франциско.

***

Лорэн с наслаждением вытянула вверх руки. Всегда было жаль покидать свою постель, свою спальню. По обыкновению, она начала с приготовления еды для собаки в тяжелой глиняной миске, затем собрала поднос себе. Она уселась в гостиной, в алькове, куда проникал свет солнца, заглядывавшего в окно. Оттуда она могла любоваться мостом «Золотые Ворота», соединяющим берега залива, домиками, прилепившимися к склонам холма Сасалито, даже «Тибуроном» с его маленьким рыбацким портом. Далекие гудки невидимых в тумане грузовых судов, мешаясь с криками чаек, придавали томительность этому воскресному утру.

Поглотив большую часть своего обильного завтрака, она поставила поднос в мойку и перешла в ванную. Сильный душ, которому никогда не удастся смыть с кожи шрамы, окончательно ее разбудил.

– Хватит крутиться, Кали, я же не отказываюсь вести тебя гулять!

Лорэн с обернутым вокруг бедер полотенцем и голой грудью доставала из шкафа джинсы, футболку и рубашку. Она решила обойтись без косметики. Надела футболку, сняла ее, надела рубашку, сняла и ее, снова надела футболку.

Посмотрела на часы: до встречи с матерью оставался час, Кали устала ждать и уснула на диване. Лорэн села рядом, взяла со столика, заваленного книгами и бумагами, большой учебник по нейрохирургии и погрузилась в чтение, пожевывая карандаш.

***

«Форд» затормозил перед домом номер 27 на бульваре Сервантеса. Пол взял с заднего сиденья свою сумку и вылез из машины.

– Хочешь, сходим вечером в кино? – предложил он Артуру, наклоняясь к его окну.

– Я не смогу, я обещал провести вечер с одним человеком.

– С одним или с одной? – радостно спросил Пол.

– Тет-а-тет на телевизионной съемочной площадке.

– Это хорошая новость! С кем или это нескромный вопрос?

– Так и есть.

– Что?

– Нескромный!

Машина удалялась по Филмор-стрит. На пересечении с Юнион-стрит Артур притормозил, пропуская грузовик, который остановился перед ним. Кабриолет «триумф», прятавшийся за прицепом, воспользовался этим, чтобы проскочить перекресток и устремиться в сторону прогулочного порта. Собака на переднем сиденье подняла отчаянный лай. Грузовик миновал перекресток, и «форд» стал взбираться на холм Пасифик-Хейтс.

***

Судя по частым движениям мордочки Кали, собака была совершенно счастлива. Она тщательно обнюхивала газон, выясняя, что за зверь осмелился рыться в траве до нее. Время от времени она поднимала голову и возвращалась к своей семье, а повертевшись в ногах у Лорэн и миссис Клайн, снова убегала, чтобы исследовать новый участок. Когда она проявляла излишнее внимание к гуляющим парам и к их детишкам, мать Лорэн прикрикивала на нее.

– Видела, как у нее болят лапы? – сказала Лорэн, провожая Кали взглядом.

– Она стареет! Как и мы, кстати, – не знаю, замечаешь ли ты это.

– Что у тебя с настроением? Проиграла в бридж?

– Ты шутишь? Наоборот, я обыграла всех этих старых дев! Просто я за тебя переживаю.

– Напрасно! У меня все отлично: я занимаюсь делом, которое люблю, у меня почти прошли мигрени, и я счастлива.

– Да, ты права, мне лучше смотреть на вещи с хорошей стороны. Неделя вышла удачной, ты выкроила два часа, чтобы заняться собой, это уже прогресс!

Лорэн указала на женщину и мужчину, гулявших впереди них по пирсу маленького порта.

– Он был примерно таким? – спросила она мать.

– Кто?

– Не знаю почему, но со вчерашнего дня я снова думаю о нем. Послушай, хватит уклоняться от этого разговора всякий раз, когда я его завожу!

Миссис Клайн вздохнула.

– Мне нечего тебе сказать, дорогая. Я не знаю, что за человек посещал тебя в палате. Он был мил, очень вежлив. Скорее всего, заскучавший пациент, нашедший себе развлечение и очень этим довольный.

– Пациенты не расхаживают по больничным коридорам в твидовых пиджаках. И потом, я проштудировала список больных, которые содержались тогда в том же крыле. И никого похожего.

– Ты выясняла подобные вещи? Ну и упрямство! Что именно ты хочешь найти?

– То, что от меня скрывают, принимая за идиотку. Я хочу знать, кто это был и почему он там находился все эти дни.

– Зачем? Все это уже в прошлом.

Лорэн позвала Кали, убежавшую слишком далеко. Собака оглянулась и сначала посмотрела на хозяйку, потом подбежала.

– Когда я вышла из комы, он был рядом; когда мне в первый раз удалось пошевелить рукой, он взял ее в свою, чтобы меня подбодрить; когда я просыпалась среди ночи, он был там… Однажды утром он обещал рассказать мне невероятную историю – и исчез.

– Этот человек – предлог для тебя, чтобы не жить нормальной жизнью, думать только о работе. Ты превратила его в сказочного принца. Легко любить кого-то, до кого не дотянуться, так ведь ничем не рискуешь.

– А ведь именно этим тебе и удавалось заниматься целых двадцать лет рядом с папой.

– Если бы ты не была мне дочерью, я бы отвесила тебе пощечину. Ты этого заслуживаешь.

– Странная ты, мама. Ты ведь ни разу не усомнилась, что у меня хватит сил самостоятельно выйти из комы, так почему же ты так мало доверяешь мне теперь, когда я вернулась к жизни? Почему бы хоть раз в жизни мне не перестать слушать свой здравый смысл и логику, почему не внять тихому голосу, звучащему в глубине моей души? Почему всякий раз замирает сердце, когда начинаю к нему прислушиваться? Разве не важно задаться этим вопросом? Очень печально, что папа пропал, печально, что он тебя обманул, но это ведь не наследственная болезнь. Не все мужчины похожи на моего отца!

Миссис Клайн громко рассмеялась. Она положила руку дочери на плечо и внимательно посмотрела на нее.

– Хочешь преподать мне урок? Но ведь ты всегда встречалась только со славными мальчиками, которые взирали на тебя как на Деву Марию, как на чудо в их собственной жизни! Это вдохновляет, правда? Когда знаешь, что другой не в силах тебя оставить, что бы ты ни выкинула. Но я, по крайней мере, любила!

– Если бы ты не была мне матерью, то сейчас пощечину заработала бы ты.

Миссис Клайн на ходу открыла сумочку, достала оттуда пакетик конфет и предложила одну дочери. Та отказалась.

– Единственное, что меня трогает во всем, что ты говоришь: наперекор той жизни, которую ты ведешь, в тебе еще поблескивает искорка романтики. А огорчает, что ты с таким простодушием портишь себе жизнь. Чего ты ждешь? Если бы тот человек действительно был мужчиной твоей жизни, то он отыскал бы тебя, бедная моя дочка! Его никто не прогонял, он сам исчез. Так что перестань злиться на весь свет, особенно на свою мать, словно это я во всем виновата.

– Возможно, у него были свои причины…

– Например, другая женщина или дети? – мрачно бросила миссис Клайн.

Можно было подумать, что Кали надоело напряжение между матерью и дочерью. Она подобрала палку, положила ее к ногам Лорэн и настойчиво залаяла. Лорэн подняла импровизированную игрушку и бросила ее как можно дальше.

– Ты сохранила все свое умение не лезть за словом в карман. Мне нельзя задерживаться, надо еще изучить к завтрашнему дню одну историю болезни, – сказала Лорэн.

– Тебе в твоем возрасте приходится делать уроки по воскресеньям? Я задаюсь вопросом, когда ты бросишь свою гонку за успехом. Возможно, тебе смертельно скучно с твоим приятелем, но, по-моему, ты никогда по-настоящему не

скучаешь, ведь по воскресеньям ты либо спишь, либо делаешь домашнее задание. Если это не так, то я полная дура!

Лорэн застыла перед матерью, борясь с желанием ее придушить.

– Мужчина моей жизни будет гордиться тем, что я люблю свое дело, и не станет считать мои рабочие часы!

От негодования у нее выступили синие прожилки на висках.

– Завтра утром мы попытаемся удалить у девочки мозговую опухоль, – продолжила она. – Это может показаться пустяком, но представь, от этой опухоли она слепнет. Поэтому накануне операции я никак не решу, чем мне заняться: пойти с Робертом в кино, целоваться с ним и грызть попкорн, или постараться как следует подготовиться к завтрашнему дню.

Лорэн свистом подозвала собаку, покинула бульвар, тянувшийся вдоль прогулочного порта, и направилась к стоянке.

Собака заняла свое место на сиденье справа, Лорэн пристегнулась ремнем безопасности, и «триумф» покинул Приморский бульвар под аккомпанемент беспрерывного собачьего лая. Она свернула на Сервантес-стрит и стала подниматься по Филмор-стрит. На пересечении с Гринвич-стрит она замедлила ход, подумывая, не взять ли в прокате фильм. Она мечтала еще раз полюбоваться на Гэри Гранта и Дебору Керр в «Она и он». Но, вспомнив, что ее ждет с утра, переключилась на вторую передачу и, набирая скорость, проехала мимо старого «форда» 1961 года, стоявшего рядом с видеоклубом.

***

Артур тщательно изучал названия фильмов в разделе «Боевые искусства».

– Хочу сделать сегодня вечером сюрприз своей знакомой, – сказал он работнику проката. – Что вы мне посоветуете?

Продавец полез под прилавок и торжественно извлек оттуда картонную коробочку. Открыл жестом фокусника упаковку и подал кассету Артуру.

– «Гнев дракона», коллекционное издание! Здесь три боевые сцены, вырезанные из традиционной версии. Только вчера привезли. Она у вас с ума сойдет!

– Вы считаете?

– С Брюсом Ли вы не прогадаете. Вот увидите, ей понравится.

Артур просиял.

– Тогда беру!

– У вашей подружки, случайно, нет сестры?

Артур покинул видеоклуб в приподнятом настроении. Вечер начинался неплохо. По пути он ненадолго остановился у заведения, предлагавшего навынос готовые блюда, от одного вида которых рот наполнялся слюной, выбрал и возвратился домой с легким сердцем. «Форд» он припарковал перед домиком на перекрестке Пасифик и Филмор-стрит.

Как только за ним закрылась дверь, он положил пакет с покупками на кухонный стол, включил стереосистему, поставил диск Фрэнка Синатры и с удовольствием потер руки.

Комнату заливал красноватый свет летнего вечера. Громко напевая мелодию из «Strangers in the Night», Артур со вкусом накрыл низкий столик в гостиной на две персоны. Затем он откупорил бутылку «мерло» 1999 года, разогрел лазанью, разложил итальянские закуски на двух тарелках белого фарфора. Теперь все было готово. Он прошагал через гостиную, вышел на лестничную площадку, оставив входную дверь открытой, и громко постучал в дверь напротив. Послышались легкие шаги.

– Я глуха, но не до такой же степени! – встретила его пожилая дама широкой улыбкой.

– Вы не забыли про нашу вечеринку?

– Ты шутишь!

– Вы не возьмете с собой собаку?

– Пабло дрыхнет как убитый, между прочим, он так же стар, как и я.

– Вы совсем не старая, мисс Моррисон.

– Старая, старая, можешь мне поверить! – произнесла она, под руку увлекая его в коридор.

Артур усадил мисс Моррисон поудобнее и налил в ее бокал вино.

– У меня для вас сюрприз! – объявил он, показывая кассету.

Прелестное личико мисс Моррисон засветилось радостью.

– Сцена драки в порту по праву вошла в антологии.

– Вы ее уже видели?

– Неоднократно.

– И вам не надоело?

– А ты видел Брюса Ли с голым торсом?

***

Кали вскочила с места, схватила зубами свой поводок и завертелась как юла, стараясь поймать собственный хвост. Лорэн нежилась на диване в пеньюаре и толстых шерстяных носках. Выкрутасы Кали заставили ее отвлечься от чтения и с любопытством уставиться на собаку. Пришлось захлопнуть трактат по неврологии.

– Сейчас пойдем, дай только одеться. – Она нежно обняла собаку.

Через несколько минут Кали уже резвилась на Грин-стрит. Молодой тополь чуть подальше, на тротуаре Филмор-стрит, источал, видимо, необыкновенный запах, раз Кали потащила хозяйку туда. Лорэн задумалась, вечерний ветер пробирал ее.

Ей не давала покоя завтрашняя операция, она предчувствовала, что Фернстайн начнет ею командовать. Приняв решение уйти в конце года на пенсию, старый профессор все чаще требовал ее на операции, словно торопился закончить ее обучение. Сейчас она вернется домой, зажжет лампу у изголовья и станет снова и снова перечитывать свои записи.

***

Мисс Моррисон была в восторге от вечеринки. Теперь она вытирала на кухне тарелки, которые мыл Артур.

– Можно задать тебе вопрос?

– Любой, какой захотите.

– Ты не любишь карате. И не рассказывай мне, что такому молодому человеку, как ты, не с кем провести вечер воскресенья, кроме как с восьмидесятилетней старухой.

– В сказанном вами нет вопроса, мисс Моррисон.

Старая дама положила руку на руку Артура и состроила недовольную гримасу.

– Есть, и еще какой! Он подразумевается, и ты его хорошо понял. И кончай с «мисс Моррисон», лучше называй меня Розой.

– Мне нравится проводить воскресный вечер в вашем обществе, так мне проще ответить на тот вопрос, который вы подразумевали.

– Мой милый мальчик, похоже, ты прячешься от кого-то.

Артур посмотрел на мисс Моррисон.

– Хотите, я выйду с вашей собакой?

– Это угроза или вопрос? – спросила Роза.

– То и другое!

Мисс Моррисон пошла к себе, чтобы разбудить и привести Пабло, уже в ошейнике.

– Почему вы так его назвали? – спросил Артур с порога.

Старушка ответила ему на ухо, что так звали ее возлюбленного, который запомнился ей лучше остальных.

– Мне было тридцать восемь лет, он был моложе меня не то на пять, не то на десять лет. В моем возрасте память слабеет, особенно когда это оказывается кстати. Мой великолепный кубинец был большим оригиналом. Он танцевал как дьявол и был побойчее самого Джека Рассела, можешь поверить мне на слово.

– Охотно вам верю, – сказал Артур, вытягивая из коридора собаку, упиравшуюся всеми четырьмя лапами.

– Ах, Гавана! – И мисс Моррисон со вздохом закрыла дверь.

Артур и Пабло двинулись вниз по Филмор-стрит. Собака задержалась под тополем. По неведомой Артуру причине это дерево внезапно вызвало у нее живейший интерес. Артур засунул руки в карманы и привалился к невысокой стене. Пабло представилась нечастая возможность сполна удовлетворить свое собачье любопытство.

В кармане у Артура завибрировал телефон. Он вынул его.

– Хорошо проводишь время? – спросил Пол.

– Прекрасно!

– Чем занимаешься?

– Как твое мнение, Пол, сколько времени нужно собаке на обнюхивание ствола дерева?

– Лучше я разъединюсь, – озадаченно проговорил Пол. – Надо скорее отправиться спать, прежде чем ты задашь мне еще один вопрос!

***

В двух кварталах оттуда, на втором этаже викторианского домика, нависшего над Грин-стрит, в окне спальни молодой женщины-нейрохирурга погас свет.

5

Звонок будильника на ночном столике вырвал Лорэн из такого глубокого сна, что ей было невыносимо трудно открыть глаза. Из-за усталости, накопившейся за год, она порой пробуждалась по утрам в сером, безрадостном, как предрассветная пора, настроении. На часах еще не было семи, а она уже поставила свой «триумф» на госпитальную стоянку. Через десять минут она в медицинском халате покинула этаж отделения «неотложки» и поднялась в палату 307. Ее встретила обезьянка, уцепившаяся за шею жирафа. Чуть подальше дремал белый мишка. На подоконнике собрался весь зоопарк Марсии. Рисунки на стенах были удивительно хороши для ребенка, ослепшего несколько месяцев назад и рисовавшего по памяти.

Лорэн присела на койку и погладила проснувшейся Марсии лоб.

– Ку-ку, – пропела Лорэн, – вот и новый день.

– Еще нет, – ответила Марсия, приоткрывая веки. – Пока что ночь.

– Осталось уже немного, моя милая, совсем чуть-чуть. Скоро за тобой придут и начнут готовить.

– Ты останешься со мной? – взволнованно спросила Марсия.

– Мне тоже надо идти готовиться, мы встретимся у входа в отделение.

– Меня будешь оперировать ты?

– Я буду ассистировать профессору Фернстайну, дяде с очень строгим голосом, как ты его называешь.

– Ты боишься? – спросила девочка.

– Ты меня опередила, я хотела спросить тебя о том же.

Девочка ответила, что не боится, потому что доверяет.

– Я иду наверх. Скоро мы с тобой встретимся.

– Сегодня вечером я выиграю пари.

– Что ты загадала?

– Я придумала, какого цвета у тебя глаза, и записала это на листочке, он лежит сложенный в ящике моей ночной тумбочки. После операции мы развернем его с тобой вдвоем.

– Развернем, даю тебе слово, – пообещала Лорен, выходя из палаты. На пороге она задержалась, чтобы потихоньку понаблюдать за Марсией.

Та свесилась с койки, не замечая Лорэн.

– Знаю-знаю, ты где-то прячешься, хотя тебе совершенно нечего бояться, – говорила девочка, залезшая под койку.

Ее ручка ощупывала пол, пока не наткнулась на плюшевую сову. Марсия погладила птицу и усадила ее перед собой.

– Ты должна отсюда выйти, тебе совершенно нечего бояться света, – заговорила она. – Если ты будешь доверять мне, я покажу тебе краски; ведь ты мне доверяешь, да? Теперь твоя очередь: ты думаешь, я не боялась темноты? Знаешь, трудно описать тебе день, он просто красивый, и все. Я предпочитаю зеленое, но красное тоже люблю, у красок есть запах, по нему их и узнают, погоди, не двигайся, я тебе покажу.

Девочка выбралась из своего убежища и осторожно перешла к тумбочке, чтобы вынуть оттуда чашку и стакан. Снова устроившись под койкой, она показала сове клубнику и произнесла решительно:

– Вот это красное, а вот это зеленое (указывая на мяту в стакане). Видишь, как хорошо пахнут цвета? Если хочешь, можешь попробовать, а мне нельзя, перед операцией у меня должен быть пустой живот.

Лорэн вернулась в палату.

– С кем ты разговариваешь?

– Я знала, что ты здесь, – ответила девочка. – Я разговариваю со своей подругой, но показать ее тебе не могу, она все время прячется, потому что боится света и людей.

– Как ее зовут?

– Эмилия! Тебе не узнать, что она говорит.

– Почему?

– Тебе не понять.

Лорэн опустилась на колени.

– Можно мне к тебе под кровать?

– Можно, если ты не боишься темноты.

Девочка подвинулась, пуская в свое убежище Лорэн.

– Можно мне взять ее с собой наверх?

– Нет, по старому дурацкому правилу зверей в операционную не пускают. Не беспокойся, рано или поздно правило отменят.

***

Денек выдался солнечный. Артур решил прогуляться пешком до своего архитектурного агентства на Джексон-стрит.

Пол дожидался его на улице.

Дверь приоткрылась, и показалось смеющееся лицо Пола.

– Ну и сколько? – спросил он.

– Сколько – что? – переспросил Артур, нажимая на кнопку кофейного автомата.

– …времени собачонка обнюхивала дерево?

– Двадцать минут!

– Завидую я тому, как ты проводишь вечера, старичок! Я говорил по телефону с двумя нашими знакомыми из Кармела, они вернулись и не прочь поужинать сегодня с нами. Можешь захватить собачонку, если боишься заскучать.

Пол постучал пальцем по циферблату часов, им нужно было спешить. Предстояла встреча с важным клиентом.

***

Лорэн вошла в стерилизационный шлюз, вытянула вперед руки и надела халат, поданный медсестрой. Продев руки в рукава, молодая нейрохирург завязала за спиной тесемки, подошла к стальной раковине и стала тщательно мыть руки. Она замирала от страха. Медсестра вытерла ей руки, посыпала тальком ладони и вскрыла упаковку с парой стерильных перчаток, которые Лорэн поспешно надела. В светло-голубой пилотке, с закрытой маской ртом Лорэн сделала глубокий вдох и вошла в операционную.

За пультом сидел Адам Петерсон, специалист по функциональному нейросканированию, и следил за системой подготовительной эхографии. В машину уже были введены картинки ядерно-магнитного резонанса мозга Марсии. Сравнивая эти изображения с теми, которые будет предоставлять в реальном времени эхограф, компьютер сможет точно определить удаляемую часть опухоли. Управляемая Адамом, система станет в процессе операции выдавать новые снимки мозга.

***

Профессор Фернстайн вошел через несколько минут вместе со своим коллегой, доктором Ришаром Лалондом, приехавшим из Монреаля.

Доктор Лалонд поздоровался с бригадой, устроился за аппаратом нейронавигации и взялся за две его рукоятки. Умело управляемые хирургом, механические руки, связанные с главным компьютером, могли с точностью до микрона резать опухолевую массу. На протяжении всей операции точность хирургического вмешательства сохраняла критическое значение. При малейшем отклонении от траектории Марсия могла лишиться дара речи или способности двигаться, хотя и излишняя осторожность могла сделать операцию бесполезной. Лорэн сосредоточенно молчала, перебирая в голове детали процедуры, которая вот-вот начнется и планированием которой она так напряженно занималась уже несколько недель.

Марсию подготовили в соседней палате и вкатили на каталке. Медсестры со всеми предосторожностями устроили ее на операционном столе. Капельницу на штативе присоединили к ее руке.

Норма, главная медицинская сестра Госпиталя, рассказывала Марсии, что усыновила детеныша панды.

– Как же вы его привезли? Вам разрешили? – допытывалась Марсия.

– Нет, – отвечала Норма, смеясь, – он останется у себя на родине, в Китае, но мы будем обеспечивать его всем необходимым, пока он не сможет жить отдельно от своей мамы. Только вот никак она не подберет для звереныша кличку, – добавила Норма. – Как лучше назвать панду?

Пока девочка ломала голову над этим вопросом, Норма поставила ей на грудную клетку разноцветные пластинки, соединенные с электрокардиографом, а врач-анестезиолог ввел ей в указательный палец крохотную иглу. Это был зонд, с помощью которого можно контролировать состав крови. Врач ввел препарат в капельницу и заверил Марсию, что та сможет продолжить раздумья об имени для детеныша панды после операции. А пока следовало сосчитать вместе с ним до десяти. Анестетик опустился по катетеру и проник в вену. Марсия уснула между цифрами «два» и «три». Реаниматолог следил по мониторам за показателями жизнедеятельности. Норма замкнула на лбу у Марсии обруч, чтобы исключить какие-либо движения головой.

Подобно умелому дирижеру, Фернстайн произвел перекличку своей бригады. Каждый участник доложил со своего поста о готовности. Фернстайн подал сигнал доктору Лалонду, и тот нажал на рукояти аппарата нейронавигации. Лорен следила за ним не отрываясь.

Первый надрез был произведен в 9 часов 27 минут, началось двенадцатичасовое путешествие в сокровенные глубины детского мозга.

***

Проект, представленный Полом и Артуром, как будто приглянулся клиентам. Директора консорциума, выбиравшие архитекторов для своей новой штаб-квартиры, сидели вокруг огромного стола красного дерева в зале заседаний. Все утро Артур расписывал, каким будет вестибюль, какими – залы, какими – прочие помещения; в полдень его сменил Пол с диапозитивами чертежей и рисунков, появлявшимися на экране у него за спиной. Когда часы на стене показали четыре часа дня, председательствовавший поблагодарил двоих архитекторов за выполненную ими работу. Члены совета директоров все обсудят и до конца недели примут решение, какому из двух представленных проектов отдать предпочтение.

Артур и Пол встали, попрощались с присутствующими и вышли. В лифте Пол длинно зевнул.

– Кажется, все вышло неплохо, как твое мнение?

– Вероятно, – тихо откликнулся Артур.

– Тебя что-то не устраивает? – спросил его друг.

– Как ты думаешь, в универмаге «Мейси» продаются поводки-рулетки?

Пол поднял глаза к потолку кабины. Прозвучал звонок, двери раздвинулись на третьем уровне подземного гаража.

– Я совершенно вымотан, – сказал Пол. – Такие презентации чрезвычайно изнуряют.

Артур сел в машину, ничего не сказав.

***

Сердечный ритм Марсии был стабилен, Фернстайн потребовал постепенного увеличения анестезии. Вторая серия эхограмм подтвердила нормальный ход резекции. Миллиметр за миллиметром электронные руки под управлением доктора Лалонда резали опухоль в затылочной доле мозга Марсии и поднимали срезы на поверхность. На четвертом часу работы Лалонд оторвался от работы.

– Смену! – потребовал он, его глаза выражали беспредельное утомление.

Фернстайн подал Лорэн знак занять место за аппаратом. На мгновение она растерялась, взгляд профессора подбадривал и возвращал уверенность. Тысячи раз она повторяла эти движения на стимуляторе, и вот настал день, когда от ее умения зависела человеческая жизнь.

Как только она села к аппарату, страх сняло как рукой. Лорэн сияла. Кончиками пинцета она ухватила свою мечту.

Ее действия были безупречны, ее умение ошеломляло. Вся бригада следила за ней, Норма уже читала в глазах профессора гордость за способную ученицу.

Лорэн сидела у манипулятора до начала седьмого часа операции. Когда ей тоже понадобилась замена, компьютер показывал, что резекция сделана на 76 процентов. Лалонд занял свое место, одобрительно подмигнув молодой сотруднице.

***

– Я высажу тебя у агентства, а сам смоюсь домой, – сказал Пол.

– Лучше довези меня до Юнион-сквер, мне надо купить кое-что.

– Можно мне узнать, чего это ты вздумал покупать поводок, не имея собаки?

– Для одной знакомой!

– Успокой меня: у нее-то по крайней мере собака есть?

– Ей семьдесят девять лет, если это сможет тебя успокоить.

– Не сказал бы, – вздохнул Пол, тормозя у тротуара перед большим универмагом «Мейси».

– У нас сегодня ужин. Где встречаемся? – спросил Артур, вылезая из машины.

– «Клиф-Хаус», в восемь вечера. Будь добр, сделай над собой усилие, а то в последний раз ты вовсе не блистал вежливостью. Тебе предоставляется второй шанс произвести хорошее первое впечатление, постарайся его не упустить!

Артур проводил кабриолет взглядом, посмотрел на витрину и ступил во вращающиеся двери универмага.

***

Анестезиолог заметил на мониторе отклонение в показаниях и проверил содержание кислорода в крови. Бригада увидела, как он переменился в лице. Инстинкт подсказывал ему, что нужна осторожность.

– У вас кровотечение? – спросил он.

– Пока ничего не видно. – Фернстайн наклонился к монитору доктора Петерсона.

– Но что-то не так! – настаивал анестезиолог.

– Делаю повторную эхограмму! – доложил специалист по нейросканированию.

От безмятежности, царившей в операционной, не осталось и следа.

– Малое промывание! – сухо распорядился доктор Кобблер, увеличивая поступление кислорода.

Лорэн почувствовала себя бессильной. Она уставилась на доктора Фернстайна. По глазам профессора было видно, что положение вот-вот станет критическим.

– Возьмите ее за руку, – сказал ей шепотом наставник.

– Что делать? – спросил у Фернстайна Лалонд.

– Продолжаем! Адам, что на эхограмме?

– Пока ничего особенного, – был ответ.

– У меня начало аритмии, – доложила Норма, глядя на мигающий электрокардиограф.

Ришар Лалонд со злостью хлопнул ладонью по пульту.

– Рассечение задней мозговой артерии! – сухо проговорил он.

Все члены бригады переглянулись. Лорэн перестала дышать и зажмурилась.

Было семнадцать часов двадцать две минуты. Через минуту поврежденная стенка артерии, подававшей кровь в заднюю часть мозга Марсии, прорвалась на участке в два сантиметра. Под давлением хлынувшей потоком крови разрыв неуклонно увеличивался. Несмотря на спешно поставленный Фернстайном дренаж, кровь стремительно заливала мозг.

В семнадцать часов двадцать семь минут на глазах у всей бессильной что-либо изменить бригады – четырех врачей и медицинских сестер – Марсия навсегда перестала дышать. Ручка девочки, которую стискивала Лорэн, разжалась, словно выпуская последнее дыхание жизни, которое она еще удерживала в ладони.

Бригада молча вышла из операционной и разбрелась по коридору. Сделать ничего было нельзя. Опухоль, в своей злокозненности, прятала от самых современных приборов аневризму мелкой артерии в мозгу Марсии.

Лорэн осталась одна, не выпуская неподвижные пальцы девочки. Норма подошла и осторожно вынула мертвые пальцы из сжатой руки нейрохирурга.

– Ступайте.

– Я обещала… – прошептала Лорэн.

– Это – единственная ошибка, которую вы сегодня совершили.

– Где Фернстайн? – спросила она.

– Пошел, наверное, к родителям малышки.

– Лучше бы это сделала я.

– По-моему, вы уже исчерпали свою дневную норму переживаний. Позвольте дать вам совет: прежде чем ехать домой, побродите по большому магазину.

– Зачем?

– Чтобы увидеть жизнь. Сотни жизней!

Лорэн погладила Марсию по лбу и закрыла голову ребенка зеленой простыней, после чего покинула операционную.

Норма смотрела, как она удаляется по коридору. Покачав головой, она выключила свет над операционным столом. Помещение погрузилось в темноту.

***

Артур набрел на свое счастье на четвертом этаже огромного магазина: поводок-рулетка, который наверняка порадует мисс Моррисон. В ненастные дни она сможет оставаться под козырьком, скрытая от дождя, меж тем как Пабло будет всласть шарить на обочине.

Артур отошел от кассы в центре зала, где расплатился за свою покупку. Ему улыбнулась женщина, выбиравшая мужскую пижаму. Он улыбнулся в ответ и направился к эскалатору. На механической лестнице на плечо легла легкая рука. Артур оглянулся, женщина спустилась к нему на одну ступеньку.

Из всех своих любовных связей он сожалел всего об одной…

– Не говори, что не узнал меня, – сказала Кэрол Энн.

– Прости, я был занят своими мыслями.

– Знаю. Мне известно, что ты жил во Франции. Тебе полегчало? – осведомилась она сочувственным тоном.

– Да, а что?

– Я узнала, что та девица, из-за которой ты от меня ушел… В общем, что ты овдовел, какая жалость…

– О чем это ты болтаешь? – воскликнул пораженный Артур.

– В прошлом месяце я столкнулась на одном коктейле с Полом. Мне действительно очень жаль.

– Я в восторге от встречи с тобой, но, к сожалению, немного опаздываю, – бросил Артур.

Он хотел уйти, но Кэрол Энн вцепилась ему в рукав и гордо показывала кольцо на пальце.

– На следующей неделе мы отмечаем первый год нашего брака. Помнишь Мартина?

– Смутно, – отозвался Артур, огибая парапет и торопясь к эскалатору, ведущему на второй этаж.

– Ты не мог забыть Мартина. Он же капитан хоккейной команды! – с упреком и гордостью сказала Кэрол Энн.

– Ах да, высокий блондин!

– Наоборот, брюнет.

– Ладно, брюнет, но ведь высокий?

– Еще какой!

– Вот! – И Артур уставился на носки своих ботинок.

– Значит, ты так и не устроил свою жизнь? – продолжила Кэрол Энн с состраданием.

– Отчего же, устроил, а потом расстроил. Подумаешь, жизнь! – Артуру было все труднее сдерживаться.

– Неужели ты будешь утверждать, что такой парень, как ты, до сих пор холост?

– Нет, я не буду этого утверждать, потому что ты все равно забудешь все это через десять минут. И потом, это совершенно не важно, – пробормотал Артур.

Снова парапет, снова надежда, что Кэрол Энн надо будет что-то купить на этом этаже, но она потащилась за ним дальше, вниз.

– У меня куча незамужних подружек! Если придешь на наше празднование, я познакомлю тебя со следующей женщиной твоей жизни. Я неподражаемая сваха, у меня попросту дар угадывать, кто кому подходит. Ты по-прежнему любишь женщин?

– Я люблю одну! Спасибо, приятно было с тобой встретиться. Передавай привет Мартину.

Артур помахал Кэрол Энн и бросился от нее прочь. При виде витрины с французской косметикой известной марки его посетило воспоминание, такое же приятное, как аромат духов, которые продавщица демонстрировала одной из покупательниц. Он закрыл глаза и вспомнил, как шагал однажды здесь, одержимый любовью невидимой, но сильной. Он был тогда счастлив, как никогда прежде в жизни. Полный этих воспоминаний, он шагнул в барабан вращающихся дверей.

Опомнился он на тротуаре Юнион-сквер. На манекене в витрине было выставлено вечернее платье, элегантное и собранное на талии. Тонкая деревянная ручка легкомысленно указывает пальцем на прохожего. Собственная обувь в оранжевых отблесках солнца кажется невесомой. Артур неподвижен, мысли его далеко. Он не слышит несущейся на него сзади

мотоциклетной коляски. Мотоциклист потерял управление на повороте Полк-стрит, одной из четырех улиц, вливающихся в большую площадь. Он пытается объехать женщину на переходе, чуть не падает, мотоцикл несет юзом, мотор оглушительно ревет. Людей на улице охватывает паника, мужчина в костюме бросается на мостовую, чтобы увернуться от мотоцикла, еще один отскакивает назад, женщина кричит и прячется за кабиной телефона-автомата. Коляска влетает на тротуар, обрушивает рекламный щит, но парковочный автомат, принимающий на себя следующий удар, прочно вделан в асфальт, и от столкновения с ним коляска и мотоцикл разделяются. Коляску ничего больше не удерживает, она подобна снаряду и формой, и скоростью полета. Она врезается Артуру в ноги, отрывает его от тротуара и подбрасывает в воздух. Время замедляется, течет неторопливо, похожее на ничем не нарушаемую тишину. Обретший свободу мотоцикл влетает в огромную витрину, и она взрывается мириадами осколков. Артур катится по тротуару и ударяется о руку манекена, лежащего теперь на стеклянном ковре. Его глаза заволакивает пелена, свет меркнет, во рту появляется металлический привкус. Артуром овладевает оцепенение, ему хотелось бы сказать людям, что произошла дурацкая случайность. Но слова застревают в горле.

Ему хочется подняться, но еще рано. У него трясутся колени, в уши врывается чей-то голос, кричащий, что ему надо лежать, скоро придет помощь.

Пол будет вне себя, если он опоздает. Надо вывести собаку мисс Моррисон, ведь сегодня воскресенье? Или понедельник? Надо заглянуть в агентство, подписать чертежи. Где парковочный билет? У него наверняка порван карман, он засунул туда руку, а теперь эта рука у него за спиной и немного болит. Не тереть голову, эти осколки стекла очень острые, того и гляди порежешься. Теперь свет слепит глаза, звуки мало-помалу приобретают отчетливость. Слепота оказалась недолгой. Открыть глаза. Конечно, лицо Кэрол Энн! Никак от него не отцепится, хотя он не желает, чтобы его знакомили с женщиной его жизни, он с ней уже знаком, черт возьми! Надо носить обручальное кольцо, тогда его оставят в покое. Сейчас он вернется в магазин и купит себе кольцо. Пол ни за что его не одобрит, но его самого это неплохо позабавит.

Издалека доносятся звуки сирены. Непременно надо встать самому, прежде чем подъедет «скорая», нечего их попусту беспокоить, ему нигде не больно, разве что во рту, наверное, он прикусил себе щеку. Щека – это не страшно, язвочка, конечно, будет долго беспокоить, но это можно вытерпеть. А вот пиджак жаль, он, наверное, непоправимо испорчен. Артур обожает этот свой твидовый

пиджак. Сара считала, что твид устарел, но мало ли что болтала Сара, посмотрела бы на свои собственные остроносые туфли-лодочки – этакая вульгарность! Он правильно сделал, сказав Саре, что ночь, проведенная вместе – случайность, они просто не созданы друг для друга, и никто в этом не виноват. Как там мотоциклист? Наверное, этот мужчина в шлеме. Кажется, он легко отделался, а посокрушаться ему полезно.

«Сейчас я протяну руку Кэрол Энн, и она растрезвонит всем своим подружкам, что спасла мне жизнь. Она ведь поможет мне подняться…»

– Артур?

– Кэрол Энн?

– Так и знала, что жертва этой ужасной катастрофы – ты, – пролепетала испуганная женщина.

Он спокойно отряхнул плечи пиджака, оторвал лоскут кармана, свисавший самым жалким образом, потряс головой, избавляясь от осколков.

– Какой ужас! Тебе очень повезло, – проговорила Кэрол Энн сдавленным голосом.

Артур серьезно посмотрел на нее.

– Все относительно, Кэрол Энн. Мой пиджак загублен. Я весь в порезах, меня преследуют встречи-катастрофы, что бы я ни предпринял, даже если отправляюсь всего лишь за поводком для соседки.

– Поводок для соседки… Тебе очень повезло, что ты почти не пострадал в такой аварии! – возмутилась Кэрол Энн.

Артур смотрел на нее. Он напустил на себя задумчивый вид и очень старался оставаться в рамках приличий. Его раздражал не только голос Кэрол Энн, все в ней было для него невыносимо. Он попытался обрести подобие безразличия, принуждая себя к раскованному и равнодушному тону.

– Ты права, я не очень справедлив. Мне повезло: я ушел от тебя, потом повстречал женщину моей жизни, только она находилась в коме! Родная мать собиралась подвергнуть ее эвтаназии, но мне снова безумно повезло: лучший друг согласился помочь мне похитить ее из больницы.

Кэрол Энн испуганно отступила, Артур, наоборот, шагнул к ней.

– В каком смысле «похитить»? – робко поинтересовалась она, прижимая к груди сумочку.

– Мы украли ее тело! Это Пол угнал машину «скорой помощи», поэтому он считает своим долгом всем рассказывать, что я вдовец. А на самом деле, Кэрол Энн, я вдовец всего наполовину! Очень необычное положение.

У Артура подкашивались ноги, он слегка покачнулся. Кэрол Энн хотела его поддержать, но он сам выпрямился.

– Но настоящая удача не в этом, а в том, что Лорэн сумела помочь мне сохранить жизнь. Все-таки полезно быть врачом, когда твое тело и твоя душа разлучаются: ты можешь сам о себе позаботиться.

Кэрол Энн непроизвольно приоткрыла рот, чтобы набрать воздуху. В отличие от нее, Артуру требовался не воздух, а равновесие. Он схватил Кэрол Энн за рукав, она вздрогнула и испуганно вскрикнула.

– А потом она очнулась, что тоже было огромной удачей. Так что сама видишь, Кэрол Энн, настоящее везение – не наш с тобой разрыв, не этот музей в Париже, не мотоцикл с коляской, настоящее везение всей моей жизни – это она!

Выговорив все это, он в изнеможении опустился на остов коляски.

У тротуара затормозил новенький фургон больничного центра. Старший санитарной бригады кинулся к Артуру, на которого Кэрол Энн глазела, широко разинув от изумления рот.

– Вы в порядке, сэр? – спросил санитар.

– Какое там! – ответила за пострадавшего Кэрол Энн.

Санитар взял его под руку, чтобы отвести к «скорой».

– Уверяю вас, со мной все в порядке, – сказал Артур, высвобождаясь.

– Надо наложить швы на рану у вас на лбу, – настаивал санитар, видя отчаянную жестикуляцию Кэрол Энн, означавшую, что Артура надо поскорее забирать.

– Мне нигде не больно. Я отлично себя чувствую, будьте так добры, позвольте мне самому вернуться домой.

– Тут столько битого стекла, что вам в глаза вполне могли попасть микроосколки. Я обязан увезти вас.

От усталости Артур сдался. Санитар уложил его на носилки и накрыл ему глаза стерильной марлей, чтобы до промывания избежать повреждения роговицы из-за неосторожных движений. Повязка на лице погрузила Артура в неприятную темноту.

«Скорая» провезла его по Саттер-стрит, надрываясь сиреной, и, свернув на авеню Ван-Несс, устремилась к Мемориальному госпиталю Сан-Франциско.

6

Зазвенел колокольчик. Двери лифта открылись на площадке третьего этажа. На стене висела табличка неврологического отделения. Лорэн вышла из кабины, не здороваясь с коллегами, спускавшимися на нижние этажи. Неоновые светильники на потолке длинного коридора отражались в сияющем линолеуме, туфли извлекали из пола нестерпимый скрип. Она подняла руку, чтобы негромко постучаться в дверь палаты 307, но рука сразу упала, став невероятно тяжелой. Она вошла без стука.

На кровати не было больше ни белья, ни подушки. Прямой, как скелет, штатив для капельницы одиноко стоял в углу, рядом с неподвижной занавеской ванной.

Радио на тумбочке безмолвствовало, плюшевое зверье, еще сегодня утром улыбавшееся с подоконника, отправилось поднимать настроение малолетним пациентам в других палатах. От детских рисунков, недавно висевших на стенах палаты, остались только обрывки скотча.

Малышка Марсия угасла днем, скажут одни, другие скажут просто, что она умерла, но для всех, кто работал на этом этаже, эта палата еще на несколько часов останется ее комнатой. Лорэн села на матрас, погладила подстилку. Подрагивающая рука дотянулась до тумбочки и выдвинула ящик. Лорэн взяла сложенный вчетверо листок и немного подождала, прежде чем прочесть доверенную ему тайну. Девочка, упорхнувшая с этого света слепой, имела зоркую душу. Цвет глаз Лорэн никто не смог бы различить сейчас: они затуманилась слезами. Она судорожно и безнадежно съежилась на кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mark-levi/vstretit-sya-vnov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити